

В Апелляционный военный суд

Адвоката Атабиева К. А.
адвокатское удостоверение
N 552 от 20.10.2015 г.
выдано Минюстом России по КБР,

В интересах: Кашешова Р.У.

Дополнение

к апелляционной жалобе на приговор Южного окружного военного суда от 30.12.2019 года.

К моему глубочайшему сожалению, это очередной неправомерный приговор, вынесенный Южным окружным военным судом. Надо признать, что порочная практика подброса наркотиков и оружия сотрудниками полиции с последующими пытками и привлечением к уголовной ответственности невиновных лиц стала своеобразной визитной карточкой Южного окружного военного суда.

Уважаемый суд, единственным эффективным средством против этого беспредела представляется новая, принципиальная и независимая апелляция.

Очень надеюсь, что апелляционный военный суд исправит вопиющую несправедливость, допущенную в отношении гражданина России Кашешова Р.У., и восстановит справедливость в отношении последнего.

С точки зрения российского закона, обвинительный приговор должен быть постановлен исключительно на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены, чего не имеет место быть.

Суд лишил сторону защиты возможности в полном объеме доказать непричастность Кашешова к инкриминируемым ему преступлениям, отказав в удовлетворении ряда существенных ходатайств, а именно о назначении молекулярно-генетической, почерковедческой, фоноскопической и видеотехнической судебных экспертиз.

-Молекулярно–генетическую экспертизу сторона защиты просила провести с целью доказать суду факта самоговора Кашешова Р.У., ведь последний после пыток сообщил следователю Урусовой, что гранату РГН ему передал Бицуев.

Сторона защиты просила поставить перед экспертом один вопрос: - Имеются ли на изъятой гранате РГН следы биологических выделений гр. Бицуева Юрия Артуровича, 23.03.1986 г.р.

При этом мы обратили внимание суда на то, что человек, которому передало гранату лицо, находящееся в розыске как террорист, генотип которого имеется в базе данных ДНК, не будет об этом просить сам.

-Почерковедческую экспертизу сторона защиты просила провести с целью установления заинтересованности и лжи свидетеля Иванова И.И., а также фальсификации протокола его допроса от 16.11.2018 г.

Уважаемый суд, свидетель Иванов в ходе допроса 05.07.2019 г. показал следователю Пхитикову, что подписи в протоколах его допросов от 10.07.2018 г. и от 16.11.2018 г. различаются по причине того, что у него была травмирована рука, что он также подтвердил в судебном заседании.

Ввиду наличия существенных противоречий в показаниях Иванова –Эфендиева по ходатайству стороны защиты судом был оглашен протокол его допроса от 05.07.2019 г., на что суд в приговоре не дал никакой юридической оценки. (протокол с.з. л.213-214)

На уточняющие вопросы защиты и суда, ему ли принадлежат эти слова, что рука была именно травмирована, он ответил: «Да». Однако сразу же после этого лжесвидетель Иванов указывает на то, что рука у него просто болела, при этом не может конкретно ответить, как долго продолжалась эта боль, где и сколько он лечился.

По ходатайству стороны защиты в материалы уголовного дела судом было приобщено полученное стороной защиты заключение эксперта № 135 от 25.10.2019г., где эксперт Приймак С.С. указал, что подписи от имени Иванова И.И. в протоколе допроса свидетеля от 16.11.2018 г. не могли быть выполнены лицом, имеющим травму пишущей руки. Отвечая на второй вопрос: «Выполнен ли текст протокола допроса Кашешова Р.У. и подпись в протоколе допроса Иванова И.И. от 16.11.2018 г. от имени Иванова, одним лицом», эксперт указал, что подписи в протоколе допроса Иванова И.И. от 16.11.2018 г. от имени Иванова И.И. и предоставленных на исследование свободных образцов почерка в протоколе допроса Кашешова Р.У. от 27.11.2018 г. выполнены одним лицом. Акцентирую внимание суда на то, что протокол допроса Кашешова Р.У. от 27.11.2018 г. был составлен следователем Пхитиковым, который во время следствия не скрывал заинтересованности в исходе данного уголовного дела.

Сторона защиты ходатайствовала перед судом о выделении в отношении Пхитикова материала проверки, но нам в этом нам было отказано, тогда как в действиях следователя имеются признаки должностного и тяжкого преступления.

-Видеотехническую судебную экспертизу ходатайствовали провести в связи с необходимостью описания событий, происходящих на видеозаписи и исследования поведения и действий, записанных в нем лиц, ведь в ходе исследования видеозаписи с наружной камеры видеонаблюдения № 10 АЗС «Лукойл» по ул. Тарчокова г. Нальчик. Мой подзащитный обратил внимание суда, что никакого сопротивления он не оказывал,

и на момент, когда ему подкинули наркотическое средство, так же он обратил внимание суда на момент, когда его посадили в салон а/м, где на его палец приложили гранату.

-Фоноскопическую судебную экспертизу ходатайствовали провести в связи с тем, что в ходе исследования ОРМ «Опрос», запечатленного на видео, сторона защиты обратила внимание суда на то, что голос за кадром принадлежит оперативнику Чигирову, тогда как и Шаов, и сам Чигиров, отрицали его участие в ходе ОРМ. Сторона защиты обратила так же внимание суда на тот вопиющий факт, что Кашешову голос за кадром, а именно Чигиров, указывал, что именно ему говорить. Из видео по выражению и мимики лица моего подзащитного также видно, что он измучен и напуган. При этом предупрежденный об уголовной ответственности по 307 УК России свидетель обвинения оперуполномоченный Шаов нагло начал врать суду, что голос за кадром принадлежит ему.

Уважаемый суд, экспертом не надо быть, чтоб различить голоса приведенных оперативников, в том числе по акценту и стилю разговора.

Отказывая в удовлетворении обоснованных и необходимых ходатайств, суд решил, что имеется достаточно доказательств виновности Кашешова Р.У. и на этом основании лишил сторону защиты возможности представления доказательств, полностью эту вину исключаящих, при этом суд первой инстанции пренебрег принципами состязательности, равноправия и справедливости, что недопустимо в правовом государстве.

В силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д.), толкуются в пользу подсудимого. (Пленум ВС от 29 ноября 2016 г. N 55)

Приговор в отношении Кашешова Р.У. построен исключительно на его первоначальных показаниях, данных им на предварительном следствии под физическим и моральным давлением, тогда как согласно п. 17, Пленума ВС от 29 ноября 2016 г. N 55, признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора.

В соответствии со ст. 302 УПК России обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

Далее, исходя из положений пункта 2 статьи 307 УПК РФ, суду надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим,

так и оправдывающим подсудимого, изложить доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и привести мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом.

Согласно п. 11 Пленума ВС от 29 ноября 2016 г. N 55, в случае изменения подсудимым показаний, суд обязан выяснить причины, по которым он отказался от ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства показаний, тщательно проверить все показания подсудимого и оценить их достоверность, сопоставив с иными исследованными в судебном разбирательстве доказательствами, что также было проигнорировано Южным окружным военным судом.

Кашешов Р.У. был обвинён в том, что он участвовал в деятельности террористической организации и финансировании незаконного вооруженного формирования, а так же в том, что хранил полученную в конце ноября 2015 года от члена террористической организации Бицуева сумку, с содержащимися в ней наркотическим средством и ручной осколочной гранатой РГН с взрывателем УЗД. Получив указанную сумку, вменяемый Кашешов Р.У. якобы хранил содержимое сумки три года (т.е до 22.06.2018) в салоне своего автомобиля до задержания и изъятия сотрудниками полиции.

Суд, указывая на то, что показания Кашешова от 23.06.2018 г. положены в основу приговора, не дал им надлежащей юридической оценки и не проверил их с точки зрения достоверности. Суд также не дал юридической оценки оглашенному протоколу очной ставки с Чигириным (протокол был оглашен в части показаний Кашешова). Как следует из показаний Кашешова, данных им в ходе допросов и очной ставки, граната и наркотическое средство были подброшены ему лицами, которые захватили его во время общения с сотрудником ДПС после 19 часов 45 мин 22. 06. 2018 год.

Исходя из требований УПК России, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Как отмечено выше, в приговоре должны быть всесторонне проанализированы все исследованные в судебном заседании доказательства - как подтверждающие выводы суда о виновности подсудимого в совершении преступления, так и противоречащие им. Если суд отвергает какие-либо доказательства, он должен привести соответствующие мотивы своего решения, что не сделано судом первой инстанции.

Вопреки выводам суда о том, что Кашешов Р.У. в конце 2015 года возле памятника «Воину–Интернационалисту», расположенному на территории сквера «Ореховая роща» в городе Нальчик, встречался с членом НВФ Бицуевым, сторона защиты предоставила суду неопровергнутые судом и стороной обвинения доказательства того, что встречи между ними не было и, что Кашешов себя оговорил.

Так, из протокола допроса от 23.06.2018, видно, что Кашешов, пересказывая заранее выученный текст своего допроса, пояснил: «Спустя примерно две недели, в

начале ноября 2015 года ко мне также позвонила моя сотрудница, которая работала в суши-баре «Токио», расположенном по ул. Кирова в г. Нальчик и сказала, что пришел тот же парень, который представился другим именем, на что я сразу понял, что это Бицуев Юрий, попросил ее передать ему трубку. После того, как мы поздоровались, он сказал, что узнал меня, на что я ответил, что узнал. В ходе разговора он назначил мне встречу на том же месте и в то же время в восемь часов вечера возле мемориала «Воину-Интернационалисту», а именно памятника «Фантомас» по ул. Шортанова в г. Нальчик КБР».

По ходатайству защиты к материалам уголовного дела были приобщены следующие доказательства стороны защиты: протокол осмотр нотариуса социальной сети «Инстаграм» от 28.11.2019 г., постановление Нальчикского городского суда от 02.02.2017 г.

Из протокола осмотра нотариуса социальной сети «Инстаграм» от 28.11.2019 г. а именно из публикации суши – бара «Токио», видно, что указанный в показаниях Кашешова суши-бар «Токио», расположенный на сегодняшний день в городе Нальчик на пересечении улиц Кирова/Московская рядом с ТЦ «Галерея», в ноябре 2015 года не существовал.

Уважаемый суд, доказательства стороны защиты были предоставлены в суд с целью установить факт самоговора Кашешова и опровергнуть показания заинтересованного лжесвидетеля Иванова. Приведенным доказательствам стороны защиты суд не дал никакой юридической оценки, тогда как в приговоре дается оценка доводам, приведенным подсудимым в свою защиту, если суд отвергает какие-либо доказательства, он должен привести соответствующие мотивы своего решения, что также не имеет место быть.

В результате адвокатского расследования и благодаря вышеприведенным доказательствам, стороне защиты удалось доказать, что именно сотрудники ЦПЭ Чигиров и Шаов заставили Кашешова пересказать следователю заранее выученный текст допроса.

Положив первоначальные показания Кашешова в основу обвинительного приговора, суд первой инстанции проигнорировал положение ст. 88 УПК России. Так, в случае проверки показаний Кашешова с точки зрения достоверности, суд пришел бы к обоснованному логическому выводу, что последний в ходе допроса себя оговорил, так как не мог не знать, что ноябре 2015 года он не вел бизнес по вышеуказанному адресу.

Не установлена и сотрудница суши-бара «Токио», которая якобы звонила Кашешову.

Как было отмечено в прениях сторон, на протяжении всего следствия ни один из следователей, а Пхитиков был третьим, не спросил у моего подзащитного про сотрудницу кафе «Токио», которая якобы свела его с Бицуевым, следствие даже не

запросило телефонные соединения Кашешова. Бездействие в установлении прямого свидетеля по настоящему уголовному делу говорит, о том, что следствию было известно, что Кашешов Р.У. оговорил себя и, что нет никакой сотрудницы.

Свидетель Иванов И.И., он же Эфендиев Расул Казбекович, 29.05.1992 г.р.

Данные о личности указанного лжесвидетеля, которые стали известны моему подзащитному по халатности следователя Пхитикова, а именно в ходе ознакомления с материалами уголовного дела, подтвердил и сам следователь Пхитиков Р.Б. в постановлении от 27.04.2019 об отказе в удовлетворении ходатайства Кашешова Р.У. о проведении очной ставки между ним и свидетелем Ивановым И.И., указав, что «проведение очной ставки между обвиняемым Кашешовым Р.У. и свидетелем Эфендиевым Р.К. невозможно, так как анкетные данные свидетеля Эфендиева Р.К. сохранены в тайне и ему присвоен псевдоним (Иванов Иван Иванович)».

Кашешов Р.У. неоднократно говорил о том, что показания свидетеля Эфендиева Р.К. (Иванова) не соответствуют действительности и что он с ним не знаком.

Акцентирую внимание суда на то, что выполнение установленных законом условий для принятия решения о сохранении в тайне данных о личности свидетеля строго регламентировано российским законом, и выяснение оснований для принятия меры безопасности имеет существенное значение для решения вопроса о допустимости и достоверности свидетельских показаний.

Согласно протоколу допроса свидетеля Иванова Ивана Ивановича от 05.07.2019, коим является Эфендиев Расул Казбекович, на вопрос следователя Пхитикова о том, поступали ли в его адрес ранее или в настоящее время какие-либо угрозы с чьей-либо стороны, Эфендиев Р.К. ответил: «Нет, никаких угроз мне не поступало, все нормально».

Кроме рапорта оперативного сотрудника ЦПЭ МВД по КБР Шаова (т.1 л.д172), никакими иными доказательствами этот факт стороной обвинения в установленном законом порядке не подтвержден. Допрос Иванова–Эфендиева, засекреченного с нарушениями установленных законом правил, является незаконным, показания такого свидетеля вызывают обоснованные сомнения в достоверности данных приведенных им в суде. Мы обоснованно ходатайствовали перед судом о раскрытии подлинных данных лжесвидетеля, нам суд в этом отказал. (протокол с.з. л-200)

Уважаемый суд, следствие не имело законного права сохранять в тайне подлинные данные лжесвидетеля Иванова–Эфендиева, а суд, в свою очередь, обязан был удовлетворить ходатайство стороны защиты о раскрытии подлинных данных указанного лжесвидетеля. К моему глубочайшему сожалению, Иванов-Эфендиев выступил в роли инструмента в руках заинтересованных оперативников, которые активно в связке со своими коллегами из следствия, сфабриковали против Кашешова настоящее уголовное дело.

Лжесвидетель Иванов-Эфендиев в ходе допроса пояснил суду, что в 2014 году часто посещал суши-бар «Токио», указал точное расположение бара, а именно г.Нальчик, ул. Кирова, при этом подчеркнул, что указанный бар расположен рядом с ТЦ «Галерея». Со слов Иванова-Эфендиева, он познакомился с Кашешовым в указанном баре и в ноябре 2015 года там же Кашешов предлагал ему оказывать помощь членам НФВ. (протокол с.з. л-207-208)

Уважаемый суд, как мы указали выше только 2016 году на указанном месте было воздвигнуто здание, первый этаж которого по сегодняшний день с сентября 2016 г. арендуется суши-баром «Токио». Вопрос: «Как в таком случае Иванов мог посещать суши-бар «Токио», расположенный около ТЦ Галерея в 2014-2015 годах, когда его там вообще не было».

К сожалению, обжалуемый приговор не содержит ответа на этот вопрос.

Вместе с тем, свидетель Иванов, который якобы находился в хороших дружеских отношениях с Кашешовым, не смог даже его описать внешне, при этом на вопросы стороны защиты, какие блюда он заказывал в суши-баре «Токио», какую еду там готовили, он также не смог найти ответ, что указывает на недостоверность его показаний, поскольку с его слов он часто посещал указанное заведение и не мог этого не знать.

Как и с какой стати, суд при таких противоречиях в показаниях основного свидетеля обвинения Иванова – Эфендиева положил их в обвинительный приговор как допустимое и достоверное доказательство? Суд первой инстанции не только должным образом не отреагировал на эти существенные противоречия Иванова, но de facto покрыл их.

Сторона защиты со всей ответственностью заявляет, что «Иванов Иван Иванович» не знаком с Кашешовым Р.У. и никогда не видел Кашешова Р.У. Органы предварительного следствия привлекли данного свидетеля и засекретили его после того, как Кашешов Р.У. отказался от показаний, данных им в ходе предварительного следствия от 23.06.2018 года под принуждением.

Ссылаясь в приговоре на лживые показания оперуполномоченного Шаова, суд в очередной раз пренебрег положением ст. 88 УПК России. В приговоре указано: «Свидетель Шаов, сотрудник полиции, показал, в правоохранительные органы поступила оперативная информация о пособничестве Кашешова члену террористической организации Бицуеву и хранении подсудимым наркотического средства и гранаты, в связи с чем было принято решение задержать и изъять у подсудимого запрещенные к обороту предметы».

Тогда как Шаов в ходе первоначального допроса в суде на вопрос гос. обвинителя Камбачоковой: «Вы можете пояснить основания задержания Кашешова», ответил: «Основанием была оперативная информация о том, что гражданин Кашешов занимается

пособнической деятельностью. На тот момент мы занимались розыском участников незаконных вооруженных формирований действующих, на территории КБР, в частности, гражданина Бицуева Юрия Артуровича, в связи с чем мы вышли на след гражданина Кашешова» (протокол с.з. от 29.10. л -120), и ни слова про наркотики и гранату.

Дважды допрошенный Шаов показал суду, что информация оперативного характера в отношении Кашешова поступила ему в 2015 году, а задержали Кашешова только в 2018, т.е спустя три года, что должно было вызвать у суда сомнения в достоверности показаний данного свидетеля. Со слов Шаова и Чигирова, в отношении Кашешова был проведен весь комплекс ОРМ – это прослушивание телефонных разговоров, слежка и т.п. Если это так, где результаты ОРМ, почему суд, если он не заинтересован, не акцентировал свое внимание на этом и не истребовал их?

Как показывает общероссийская практика, МВД с большим удовольствием рассекречивает и приобщает в материалы уголовного дела результаты своих ОРМ. А может результаты ОРМ не приобщены, в связи с тем, что Кашешов - не преступник, а лишь молодой успешный бизнесмен, который обеспечил работой 60 жителей Кабардино-Балкарской Республики, при этом пишет стихи и занимается аранжировкой песен своего родного брата Шамиля Кашешова.

Сторона защиты обращает внимание апелляционной инстанции на то, что в ходе судебного следствия не установлено кто именно достал сумку с гранатой из автомашины. Шаов пояснил, что это сделал эксперт; эксперт сказала, что доставала не она; понятой Сатушиев пояснил, что сумку с гранатой изымал мужчина, но не Шаов.

Отвечая на вопросы стороны защиты, Шаов пояснил, что оперуполномоченный Чигиров не участвовал в ОРМ «Опрос» и в осмотре места происшествия. При этом Шаов пояснил, что гранату обнаружил он, а именно под передним водительским сиденьем, также пояснил, что сиденье в автомобиле Кашешова, из-под которого изъяли гранату, обычной конструкции и что сумка с гранатой, находилась в глубине сиденья, и при открытии двери сумки видно не было (протокол с.з. лист -126).

Свидетель Сатушиев, отвечая на вопрос стороны защиты: «Какая конструкция была у сиденья», ответил: «Под сиденьем можно было руку засунуть. Сотрудник так и сделал, руку просунул и сумку достал». (протокол с.з. л-95)

Свидетель Шаваев, отвечая на вопросы председательствующего, пояснил:

Вопрос: Вы сказали, что видели сумку. Где конкретно она находилась?

Ответ: - Под левым передним водительским сиденьем.

Вопрос: - Её каким образом было видно: при открытых дверях или необходимо было заглянуть под сиденье?

Ответ: - Необходимо было заглянуть под сиденье. Если открыть дверь, то видно ее не было.

Вопрос: - Нужно было заглянуть под сиденье, то есть нагнуться? Или стоя тоже можно было увидеть?

Ответ: - Нет, надо было нагнуться.

Вопрос: - Суд правильно понял, чтобы разглядеть, имеется ли сумка под сиденьем, необходимо было присесть?

Ответ: - Да, надо было нагнуться (протокол с.з. л-56)

Судом по ходатайству стороны защиты были исследованы вещественные доказательства, в том числе граната и автомашина БМВ серии 5301 г/н К 125 ТН 123 рег.

В ходе исследования указанных вещественных доказательств, сторона защиты ходатайствовала о помещении гранаты под водительское сиденье, ходатайство было удовлетворено. По сути, суд удовлетворил и произвел следственный эксперимент, в ходе которого было установлено, что граната не помещается под сиденье, а сиденье круговую обшито пластмассой, что и следовало доказать.

Вопрос: «Как в таком случае суд первой инстанции признал показания Шаова и Сатушиева достоверными?» Лично мне, гражданину правового государства, непонятно, при этом показаниям Шаваева в приговоре оценка не дана.

Свидетели обвинения в своих первичных показаниях в ходе следствия, указывали на то, что сумка с гранатой была изъята именно из-под переднего водительского сиденья, при этом в суде пояснили, что не видели сам момент изъятия сумки из-под сиденья.

Дважды допрошенного в суде сотрудника ГИБДД Альбердиева всё-таки заставили сказать, о том, что до остановки а/м Кашешова ему было известно о запрещенных предметах у Кашешова.

Принимая противоречивые показания Альбердиева за истину, суд не проверил их как об этом требует закон, так на вопрос председательствующего: «Правильно суд понял, что из дежурной части вам поступила информация о том, что Кашешов имеет незаконные в обороте предметы, какие именно, не уточнялось», Альбердиев ответил: «Да, правильно» (протокол с.з. л. -30). Тогда как из копий с КУСП от 22.06.2018 г. видно, что такую информацию дежурная часть Альбердиеву не давала, в журнале указано одно сообщение, а именно от Чигирова о том, что он просит СОГ, и ни слова про запрещенные предметы и вещества.

Также обращаю внимание суда апелляционной инстанции, на вопрос стороны защиты к руководителю операцией Шаову и его ответ.

Вопрос: «В связи с чем Кашешов был остановлен сотрудниками ГАИ? В связи с пособничеством или с тем, что у него хранятся наркотики?»

Ответ Шаова: «Сотрудниками ГАИ Кашешов был остановлен по нашему указанию, они не знали, в чем он подозревается, никакого отношения к гражданину Кашешову не имели. Сотрудники ГАИ просто остановили автотранспортное средство». (протокол с.з. л- 129).

Уважаемый суд, как при таком раскладе суд указал в приговоре на то, что Альбердиеву было известно о хранении Кашешовым незаконных к обороту предметов до его остановки.

Таким образом, вышеприведенные выводы суда, изложенные в обжалуемом приговоре, не соответствуют обстоятельствам, установленным в судебном заседании.

Также инспектор Альбердиев показал суду, что после задержания Кашешова к нему подошел сотрудник в гражданской форме и сказал, что их помощь больше им не нужна и, что никто мешать не должен. Как было отмечено в прениях сторон, данную ситуацию я назвал бы так: «Нам надо подготовиться к приезду СОГ, и лишние глаза и уши нам не нужны».

На исследованной видеозаписи видно, после того как патрульная автомашина ГИБДД отъехала с места совершения должностного преступления, сотрудники активизировались вокруг своего служебного автомобиля «Лада Гранта» и автомашиной Кашешова.

Из видеозаписи установлено, что Кашешов был задержан 22.06.2018 г. в 19 час. 45 мин., а звонок в дежурную часть отдела полиции поступил от Чигирова в 20 час. 05 мин., т.е. спустя 20 минут, тогда как свидетели обвинения Чигиров и Шаов, вводя суд в очередной раз в заблуждение, показали, что следственно-оперативная группа была вызвана сразу же после задержания Кашешова.

Копия с КУСП, оценка которому не дана, исследована и приобщена к материалам настоящего дела.

Уважаемый суд, если не фальсификацией то, чем они там занимались 20 минут?

Для незаконного привлечения Кашешова Р.У. к уголовной ответственности его оппонентами в погонах совершены: а) незаконный оборот наркотического средства; б) незаконный оборот боеприпасов; в) подлог; г) фальсификация доказательств по уголовному делу; д) дача заведомо ложных показаний; е) фальсификация результатов ОРМ и другие не менее тяжкие преступления.

Принимая протокол ОМП от 22.06.2018 как допустимое доказательство, суд в своем приговоре ограничился одним лишь перечислением услышанного в судебном

заседании от свидетелей обвинения и прокурора, но этого недостаточно для признания процессуального документа допустимым.

В протоколе указано: «По факту обнаруженного порошкообразного вещества белого цвета Кашешов Р.У. пояснил, что это наркотическое средство». Аналогичная ситуация и с гранатой, в протоколе ОМП указано даже во что был одет Кашешов Р.У. Пять свидетелей обвинения подписали данный протокол, и ни один из них не сделал заявления по поводу Бицуева, заявление не сделали даже заинтересованные в этом Шаов и Чигиров. Как ни странно судом установлено, что Чигиров участвовал в ходе составления протокола ОМП, тогда как последний и Шаов отрицали данный факт. Как отмечено в прениях, заявление не было сделано в связи с тем, что Кашешов в момент составления протокола про Бицуева не говорил. При этом эксперт Азмурзаева, отвечая на вопросы гос.обвинителя: «Называл ли он какие-либо фамилии в ходе осмотра места происшествия», уверенно ответила: «При мне нет» (протокол с.з. л-178-179).

Акцентирую внимание суда на уточняющий вопрос стороны защиты господину Хашукаеву: «Как Вас ознакомили с протоколом осмотра места происшествия? Его огласили или Вы его лично прочитали», ответил: « Я лично не смог прочитать в темное время, его оглашали» (Протокол с.з. л-78); тогда как в протоколе указано, что с протоколом ОМП участники ознакомлены путем личного прочтения.

При этом УУП полиции Богатырев на вопрос защиты: «Как Вы ознакомились с протоколом осмотра места происшествия, прочитали сами или вслух Вам прочли?» также ответил: « Вслух зачитали» (Протокол с.з л-113).

Свидетелю Богатыреву был задан уточняющий вопрос: «В данном протоколе (т.е ОМП) нет ни одного слова про Бицуева. Как Вы можете это объяснить? Почему Вы не внесли замечаний в протокол о том, что Кашешов говорил про Бицуева?» Ответ: «Я этого не помню». (Протокол с.з. л-113) При неудобном вопросе как же легко и просто сказать - не помню.

Про Бицуева не указано и в первоначальных объяснениях свидетелей Сатушиева и Хашукаева. Свидетель Хашукаев и во время следствия неоднократно говорил, что он не слышал от Кашешова, кто ему передал изъятое, про какого-то друга он начал говорить уже в суде (протокола допросов Хашукаева судом оглашены).

Неоднократно сторона защиты ходатайствовала перед судом исследовать как иной документ первоначальные объяснения Хашукаева и Сатушиева, но, к сожалению, по причине заинтересованности суд нам в этом отказал.

После оглашения протоколов допроса Хашукаеву стороной защиты свидетелю были заданы ряд вопросов.

Вопрос: - 22 ноября 2018 г. следователь Пхитиков задает Вам вопрос: «В Вашем присутствии Кашешов давал пояснения по поводу того, откуда у него появились изъятые предметы?», и Вы отвечаете: «Честно говоря, я не помню. Всё, что я видел и

Этот материал выпущен МОО ПЦ "Мемориал", который внесен в реестр, предусмотренный ст. 13.1.10 ФЗ "Об НКО". Мы обжалуем это решение.

помнил, я рассказал, более добавить нечего. Со мной был второй понятой, который гораздо младше меня, и он скорее всего слышал то, что пояснял Кашешов, с годами у меня в силу моего возраста появились небольшие проблемы со слухом, а также я периодически отвлекался на ответы по входящим звонкам от клиентов, так как я работаю в такси и мне постоянно в тот момент названивали на телефон». Действительно было так?

Ответ: - Да.

Вопрос: - Так Вы слышали, друг Кашешову передал предметы или нет?

Ответ: - Да, Кашешов говорил, что ему друг их передал на хранение.

Вопрос: - Почему Вы следователю об этом не сказали?

Ответ: - Не знаю.

Вопрос: - Я не просто так с самого начала спрашивал, состоите ли Вы на учете у врача-ЛОРА. Вы меня хорошо слышите?

Ответ: - Сегодня хорошо слышу.

Вопрос: - А тогда Вы плохо слышали?

Ответ: - Тогда машины проезжали, шумно было.

Вопрос: - Почему Вы следователю не рассказали про друга, о котором слышали от Кашешова?

Ответ: - Он говорил очень тихо. Я не помню. (Протокол от 29. Л 74-75),

Несмотря на то, что Хашукаев был предупрежден об уголовной ответственности по ст. 307 УК России, он продолжал давать заведомо ложные показания, явно вводя участников процесса в заблуждение, на что суд никак не отреагировал.

Аналогичные вопросы были заданы дознавателю Шаваеву.

Вопрос: - Вы пояснили, что Кашешов вытащил сверток с веществом и сказал, что ему его передал Бицуев, правильно я понял?

Ответ: - Да.

Вопрос: - Вы отразили это в своем протоколе?

Ответ: - Да, отразил.

Вопрос: - С точки зрения закона Вы должны отражать свои вопросы и ответы на них?

Ответ: - Конечно (протокол с.з. л-51).

После оглашения протокола ОМП от 22.06.2018 г. офицер Шаваев начал увильничать и уходить от вопросов, поясняя при этом: «Я сказал, что обычно указывается, я подумал, что внес эти пояснения, но Вы озвучили протокол, и там этого нет».

Далее защитой заявлялось ходатайство о признании заключения судебных экспертиз недопустимыми доказательствами. Полагаю, что вывод суда об отсутствии оснований для признания заключений судебных экспертов недопустимыми доказательствами, не соответствует российскому законодательству.

Так Конституционный суд России 18 июля 2006 г. №228-0, определил, что «Ознакомление с постановлением о назначении экспертизы после ее производства должно расцениваться как недопустимое нарушение прав на защиту».

Суд в приговоре сослался на справку из УФСБ, согласно которой в состав НВФ входил Бицуев, уголовное дело по ч. 2 ст. 208 и ч. 2. Ст. 205.5 УК России в отношении последнего прекращено в связи с его смертью. При этом в материалах настоящего уголовного дела постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Бицуева по ч.2 ст. 205.5 УК России отсутствует.

Согласно решению Конституционного суда России от 28 июня 2007 года № 8-П по делу о проверки Конституционности статьи 14.1 Федерального Закона «О погребении и похоронном деле» постановления о прекращении уголовных дел не могут служить доказательством вины в суде, тогда как суд первой инстанции в своем приговоре сослался на постановление о прекращении уголовного дела от 25.12.2016 г.

Приводя в приговоре результаты оперативно-розыскных мероприятий «Опрос» суд в очередной раз обошел ст. 88 УПК России.

Так в ходе судебного следствия оперуполномоченному Шаову со стороны защиты были заданы ряд вопросов, на которые были получены ответы:

Вопрос: -Правильно я понял, что в ходе ОРМ - опроса велась видеосъемка? Ответ: - Насколько я помню, да.

Вопрос: - Кто в это время общался с Кашешовым, задавал ему вопросы?

Ответ: - Я задавал вопросы.

Вопрос: - Объяснение у него Вы в какой момент отобрали?

Ответ: - В ходе проведения опроса составлялось параллельно объяснение.

Вопрос: - Что Вы провели раньше: ОРМ-опрос или отбор объяснения?

Ответ: - Мы опрашивали, параллельно составляли объяснение.

Вопрос: - И параллельно велась съёмка?

Ответ: - Да. (протокол от 29.10, л-125)

Уважаемый суд, в ходе исследования по ходатайству стороны защиты данной видеозаписи мы обратили внимание суда на то, что данная запись была сделана в 00 часов 50 мин. 23.06.2018 г., тогда как рапорт Шаова с указанием результатов ОРМ «Опрос» в порядке ст. 143 УПК России зарегистрирован в КУСП 22.06.2018 г., так же 22–м числом датирован и протокол опроса Кашешова, на что суд не дал никакой правовой оценки (протокол с.з. от 29.10, л- 248).

Данный вопиющий факт в очередной раз указывает нам на то, что показания Шаова не соответствуют действительности.

Согласно ч. 4. ст. 15 УПК России, сторона обвинения и защиты равноправны перед судом.

Давая оценку в приговоре доказательствам стороны защиты, суд ограничился показаниями Журтубаева, Кульчаева и Губжокова, при этом должным образом не оценил их.

Суд в приговоре указал: «Журтубаев и Кульчаев, знакомые с подсудимым, каждый в отдельности показали, что в конце 2015 года открылся суши-бар «Токио», расположенный по ул. Московской в г. Нальчике, совладельцем которого является Кашешов».

Указывая в приговоре, якобы со слов Журтубаева и Кульчаева, конец 2015 года как дату открытия суши-бар «Токио», расположенного по ул. Московская, суд ввел нас в заблуждение. Так отвечая на вопросы гос. обвинителя, Кульчаев пояснил, что суши бар «Токио» на ул. Московской начал свою деятельность примерно в начале 2016 года (протокол с.з л-235). Также данный свидетель пояснил, что он является сотрудником указанного суши-бара «Токио» и, что в его обязанности входит работа с персоналом: набор персонала, повышение, увольнение, проведение собеседований.

Свидетель Журтубаев, отвечая на вопросы защиты, показал, что суши-бар «Токио» на Московской открылся примерно в начале 2016 г. в конце 2015 г. на уточняющий вопрос защиты, а именно: «Кашешов Руслан сказал, что данное заведение открылось 15 сентября 2016 г. Что можете по этому поводу сказать», Журтубаев ответил: «Не знаю. Точную дату я не помню» (протокол с.з л-238).

Приводя свидетельские показания Губжокова М.А., суд в приговоре указал, «Губжоков, работник автосервиса, показал, что при передаче им после ремонта подсудимому автомобиля «BMW», в салоне отсутствовала сумка».

Этот материал выпущен МОО ПЦ "Мемориал", который внесен в реестр, предусмотренный ст. 13.1.10 ФЗ "Об НКО". Мы обжалуем это решение.

Помимо указанного, свидетель защиты Губжоков показал, что Кашешов свою автомашину забрал с автосервиса в день своего задержания и, что автосервис находится в 200-300 метров от места задержания Кашешова. Свидетель также показал, что в ходе осуществления ремонта для удобства отодвинул переднее водительское сиденье вперед и ничего под сиденьем он не увидел.

Мало того, что суд вменяемого человека обвинил в хранении в течение трех лет как амулеты гранату и наркотик, еще и предположил, что в течение 2 часов 45 минут до задержания у Кашешова имелась возможность переложить сумку из другой части автомобиля и спрятать ее в его салоне. Вопрос: зачем надо было это делать, когда сумка лежит себе и лежит?

Что касается свидетелей защиты, суд охотно воспользовался несущественными противоречиями в их показаниях, тогда как существенные противоречия свидетелей обвинения суд отнес к давности произошедших событий и индивидуальным особенностям восприятия этих событий каждым из свидетелей, что говорит и заинтересованности суда.

Признав допустимыми противоречащие друг другу свидетельские показания Шаова, Шаваева, Альбердиева, Сатушиева, Хашукаева, Иванов, Урусовой, Мирзоева и Самбурского суд пренебрег принципом справедливого судопроизводства.

Особое внимание прошу уделить показаниям свидетеля Иванова И.И. в части места расположения суши-бара «Токио», месяца и года встречи его с Кашешовым. Это 2014 год и конец ноября 2015 года. Место расположения указанного бара и года свидетель Иванов, он же Эфендиев, назвал уверенно. Указанный лжесвидетелем суши-бар «Токио», совладельцем которого является Кашешов, открыл свои двери только 23.09.2016 г., данный факт подтверждается, как указано выше протоколом осмотра нотариуса от 28.11.2019 г., где на фото № 1 на фасаде здания имеется объявление о сдаче указанного помещения в аренду а также комментарий «Вот так проходит генеральная уборка на новой точке», под фото № 2 изображена реклама об открытии и адрес «Московская/Кирова».

Из исследованного постановления Нальчикского городского суда от 02.02.2017 г. также установлено, что здание, в котором располагается суши-бар, сдано в эксплуатацию в 2016 году.

Приведенным доказательствам стороны защиты суд обязан был дать надлежащую юридическую оценку.

В описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений [пунктов 3, 4 части 1 статьи 305](#), [пункта 2 статьи 307](#) УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых

основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом.

Если какие-либо из исследованных доказательств суд признает не имеющими отношения к делу, то указание об этом должно содержаться в приговоре, что не имеет место быть. (п. 6. Постановление Пленума от 29 ноября 2016 г. N 55)

Сторона защиты также приобщила к материалам уголовного дела три фотоснимка из приложения Google Maps. На фотоснимках ясно видно, что ни 2014, ни 2015 году здания суши-бара «Токио» на пересечении улиц Кирова/Московская не существовало, что подтвердил и суд, указывая в приговоре о невозможности идентифицировать указанный строительный объект. При этом на одной из фото от 2017 г. ясно видно, что на том месте, где был пустырь, воздвигнуто здание, и территория его облагорожена. Как трое профессиональных судей не смогли идентифицировать, т.е. увидеть на фото от 2017 года здание, в котором с сентября 2016 года ведет свою деятельность суши-бар «Токио», мне лично непонятно. Показания помощника полицейских Самбурского суд принял как достоверные. Данный свидетель с момента составления первого протокола допроса говорил неправду, так, будучи человеком без определенного места жительства, указал в протоколе заведомо неправильный адрес проживания. Свидетель указал, что он ранее участвовал в качестве понятого, и все сотрудники полиции г. Нальчик знают, где его найти, также он показал, что 2017 году он за определенное вознаграждение, а именно за 1000 руб. от сотрудников полиции, взял на себя преступление, предусмотренное по ч. 1. ст.228 УК России, которое он не совершал (протокол с.з. л-145). Как в таком случае суд принял показания данного свидетеля, ведь он сам открыто говорит, он хороший друг полицейских, при этом готов за символическую сумму пожертвовать собственной свободой, а что говорить про других.

С вечно понятым Мирзоевым аналогичная ситуация, он хороший внештатный друг полицейских. Мирзоев в ходе судебного следствия сказал, что ранее он не участвовал в качестве понятого (протокол с.з. л-185). Данного гражданина в качестве понятого я лично неоднократно допрашивал в городском суде г. Нальчик. При этом для установления лжи данного свидетеля сторона защиты ходатайствовала перед судом о приобщении обвинительного заключения на Шадова М.М., в деле которого также фигурирует наркотик и граната, но суд нам в этом отказал.

Признавая протокол проверки показаний на месте от 23.06.2018 г. как допустимое доказательство, суд грубо нарушил нормы УПК России.

Как было отмечено нами из протокола проверки показаний на месте от 23.06.2018 г. видно, что на следственное действие были задействованы два легковых автомобиля российского производства. Из показаний моего подзащитного, данных им в ходе судебного следствия, в том числе из исследованного протокола очной ставки между Кашешовым Р.У. и Чигириным И.Б., видно, что в ходе составления протокола проверки показаний на месте он все время передвигался на а/м «Лада–Гранта» в сопровождении четверых сотрудников полиции, двое из которых были в спец. одежде и в масках, а двое были сотрудниками ЦПЭ, Чигиринов и сотрудник по имени Анзор.

В протоколе следователь Урусова указала: «При этом он (кто именно не указан), понятые, следователь, защитник сели в салон одной а/м, оперативные сотрудники сели в салон другой а/м».

Свидетели Мирзоев М.У. и Самбурский показали суду, что помимо вышеуказанных, в салоне а/м находился и конвой в количестве двух человек, а следователь Урусова показала суду, что на переднем сиденье автомобиля разместились она и адвокат Хагундокова, что не подтвердили понятые. Как в таком случае следователь могла письменно фиксировать происходящее и следить за маршрутом следования а/м, а Кашешов показывать дорогу, лично мне непонятно. На вопрос стороны защиты, как вы умудрились сесть на переднее сиденье легкого автомобиля вдвоем, следователь не дала внятного ответа, что говорит о том, что ее показания не соответствуют действительности.

Мы все взрослые люди и понимаем, что конвой и участники указанного следственного действия физически не смогли бы поместиться в салон четырехместного автомобиля.

С точки зрения российского закона, когда проверяются показания на месте, подозреваемый, задержанный в порядке ст. 91 УПК, должен находиться в автомобиле с конвоем дабы подозреваемый, которому грозит тюремный срок, с целью совершения побега не набросился на участников следственного действия и водителя с целью вырвать руль и направить а/м под откос, а после чего скрыться.

Чтобы слышать и наблюдать, что говорит и показывает лицо, показания которого проверяются, понятые, адвокат и следователь должны находиться рядом с ним.

Следователь Урусова обязана была использовать транспортное средство с расчетом, чтобы оно могло не только вместить всех участников следственного

действия, но и позволило бы по своей конструкции вести удобный обзор окружающей обстановки.

Уважаемый суд, очень много сомнений по факту того, что участники проверки показаний на месте 23.06.2018 г. передвигались по городу Нальчик на одной а/м, а, как нам известно, все сомнения трактуются в пользу обвиняемого.

В протоколе показаний на месте, не считая подписи следователя, имеются пять подписей, тогда как в протоколе указаны четыре участника, а именно понятые, Кашешов и адвокат Хагундокова, откуда появилась пятая подпись и чья она вообще, суд не установил. При этом в графе права и обязанности подозреваемого подпись Кашешова отсутствует, так же отсутствуют подписи Кашешова на листах протокола 56,57,58 и 59, что недопустимо.

Согласно УПК России в протоколе следственного действия указывается: фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии. ФИО Шаова и Чигирова в протоколе отсутствуют, при этом последний в категоричной форме отрицал свое участие в ходе осмотра происшествия и проверки показаний на месте. Также в приговоре не дана оценка показаниям Чигирова, что не допускается.

Акцентирую ваше внимание на то, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК России, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

Со слов моего подзащитного указанный протокол он подписал на ул. Павлова г. Нальчик, после чего его увезли в ИВС, т.е. не в отдел полиции, как нам об этом утверждала следователь, при этом следователь Урусова пояснила суду, что протокол был составлен в ее служебном кабинете.

Факт того, что при составлении и подписании протокола Кашешова не было в кабинете следователя подтверждается показаниями понятого Мирзоева (протокол с.з. л-186), копией с журнала регистрации граждан УМВД по г. Нальчик и протоколом личного обыска, составленного в ИВС. По ходатайству стороны защиты копия с журнала судом исследована и приобщена к материалам настоящего уголовного дела, оценку которому суд не дал. При этом, на вопрос председательствующего «Возможно такое, что в книгу регистрации посетителей не занесли Кашешова? Урусова ответила: «Все посещающие здание УМВД лица проходят через книгу» (протокол с.з. л-168)

В протоколе проверки показаний на месте следователь Урусова указала, «сидя в салоне принадлежащей ему автомашины БМВ Е 60 серебристого цвета г/н

К 125 ТН 123 рег. Бицуев Ю.А. передал ему барсетку черного цвета, в которой находились граната и наркотическое средство - соль». Данная автомашина в протоколе указана неоднократно. Акцентирую внимание суда на то, что в протоколе указана БМВ, а не Мерседес, при этом Руслан не управлял 2015 году и не владел указанной следователем автомашиной БМВ Е 60, он приобрел а/м БМВ намного позже, и приобрел он БМВ серии 5301, а не Е-60.

Данный факт еще раз подтверждает то, что Кашешов и указанные в протоколе показания не давал и ему их никто не оглашал.

Указания суда на то, что само по себе проведение осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела не требует защитника и что не нарушено право на защиту, являются надуманными.

Из протокола осмотра места происшествия 22.06.2018 г. усматривается, что в производстве следственного действия принимал участие Кашешов. На момент производства осмотра места происшествия последний фактически являлся подозреваемым в конституционно-правовом смысле данного понятия. Соответственно, Кашешов был лишен конституционного права при производстве следственного действия на получение квалифицированной юридической помощи.

Только участие в следственном действии защитника, допущенного с соблюдением норм процессуального закона (в данном случае — в порядке п. 5 и 6 ч. 3 ст. 49, ч.1 ст. 11, ст. 144, а также ст. 16 УПК РФ), могло бы стать гарантией от признания данного доказательства в дальнейшем недопустимым. Однако, защитник Кашешову предоставлен не был, когда дознаватель обязан был разъяснить Кашешову, что он имеет права не свидетельствовать против самого себя, своей супруги и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката. Кашешов неоднократно говорил, что данные права ему не разъясняли.

Конституционный Суд России постановил: «Право каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката должно быть обеспечено во всех случаях, когда его права и свободы существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием».

Европейский суд по правам человека сформулировал ряд положений, согласно которым отказ задержанному в доступе к адвокату в течение первых часов допросов полицией в ситуации, когда праву на защиту мог быть нанесен невосполнимый ущерб, является (каким бы ни было основание такого отказа) несовместимым с правами обвиняемого, предусмотренными статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом под обвинением, в смысле статьи 6 Конвенции, Европейский суд по правам человека понимает не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут

серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого.

В своем постановлении Пленум Верховного суда РФ от 30 июня 2015 года №29 обращает внимание судов на то, что по смыслу статьи 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях. В силу этого правом на защиту обладает лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК России.

Суд исключил из приговора, как излишне вмененную, перевозку взрывного устройства.

В приговоре указано: «Приходя к такому выводу, суд считает, что доказательств перемещения взрывного устройства в автомобиле Кашешова в ходе расследования уголовного дела органами предварительного следствия не добыто, а государственным обвинителем, поддерживающим в полном объеме данное необоснованное обвинение, в судебном заседании не представлено».

Выходит, что суд, сочтя недоказанным перевозку Кашешовым взрывного устройства при обстоятельствах, указанных в обвинительном заключении, столкнулся с неустранимым сомнением о том, как граната попала и перевозилась в автомашине Кашешова, и некритически истолковал это сомнение против Кашешова Руслана Уметовича. Проще говоря, суд грубо нарушил один из базовых принципов правосудия – презумпцию невиновности.

Хочу отметить, что Камбачокова не смогла доказать в суде, не только указанного судом, но и умысла Кашешова на совершение преступлений.

Суд не отразил в приговоре, что в соответствии со ст. 63 УК России отсутствуют отягчающие наказание Кашешова обстоятельства, а описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать указание на обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Данное требование вытекает из п. 3 ст. 307 УПК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда России от 22.12. 2015 г. N 58 г. указано: при учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду, прежде всего, направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред.

Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении.

Исходя из диспозиций статей 307 и 308 УПК России в приговоре следует указывать мотивы принятых решений по всем вопросам, относящимся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбыванию, что так же не имеет место быть.

Обсуждая вопрос о применении при назначении наказания правил ч. 6 ст. 15 УК России, суд не привел ни одного существенного обстоятельства, которое бы препятствовало его применению.

Так, из данной статьи усматривается, что с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности, суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления. Данное требование содержится и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 N 10 "О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации".

Отягчающих наказание обстоятельств Кашешова Р.У. в деле не имеется, Кашешов ранее не судим, имеет троих малолетних детей, положительно характеризуется, впервые привлекается к уголовной ответственности и как указал суд, активно способствовал расследованию преступления на первоначальной стадии предварительного следствия. В этой связи, суд должен был и мог обсудить возможность изменения категории преступлений на менее тяжкую, но ограничился одной лишь формулировкой «не находит».

Исходя из вышеизложенного, сторона защиты считает приговор, вынесенный Южным окружным военным судом в отношении Кашешова Р.У. немотивированным, необоснованным и незаконным.

Руководствуясь ст. 389.6 УПК России, ходатайствую, исследовать доказательства:

- Объяснение Сатушиева М.А (том -1 л.д. 21-22)
- Объяснение Хашукаева А.З. (том -1 л.д. 23-24)
- Протокол проверки показаний на месте (том-1 л.д 55-60)
- Протокол личного обыска(том -1 л.д. 90
- Заключение эксперта (том -1 л.д. 92-96)
- Протокол осмотра предметов от 24.06.2018 г. (том 1 л.д. 97-102)
- Протокол осмотра нотариуса от 28.11.2019 г.
- Видео с места задержания (том 6 л.д. 6-13)

-Заключение эксперта №135 от 25.10.2019 г.

-Заключение эксперта №86 от 03.06.2019 (том 5 л.д. 251-260)

На основании вышеизложенного и в соответствии со ст.389.1, 389.3, 389.15, 389.17, 389.20 и 389.22 УПК России,

Прошу:

Приговор Южного окружного военного суда от 30.12.2019 года отменить и вынести в отношении Кашешова Руслана Уметовича оправдательный приговор.

Защитник

14.04.2020 г.